

УДК 159.9.072

Вартанян Г.А., Архипова Н.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**Проблема распознавания насилия
как специфического вида компетенции будущих юристов и психологов**

**The Problem of Recognition of Violence
as a Specific Type of Competence of Future Lawyers and Psychologists**

Аннотация

Статья посвящена проблеме распознавания насилия как специфического вида компетенции будущих юристов и психологов. Представлено исследование способности распознавания насилия в тексте у студентов старших курсов факультетов психологии и юридических факультетов, в котором приняли участие 102 респондента в возрасте 19-28 лет (53 студента-психолога и 49 студентов-юристов). Исследование показало, что студенты-психологи более успешны как в распознавании наличия отдельных признаков насилия в тексте, так и в распознавании в тексте признаков смешанных видов насилия. В ходе качественного анализа выявлены 12 критериев насилия, на которые полагаются респонденты в выявлении признаков насилия в тексте. Полученные результаты могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблеме, а также при разработке программ обучения будущих юристов и психологов.

Ключевые слова: насилие, признаки насилия, юристы, психологи, распознавание насилия в тексте

Abstract

This study is devoted to the problem of recognition of violence as a specific type of competence of future lawyers and psychologists. A research regarding an ability to recognize the presence of violence in the text among future lawyers and psychologists has been described. 102 participants aged 19-28 years (53 future psychologists and 49 future lawyers) were enrolled. The study showed that the future psychologists are more successful in recognition of the presence of violence in the text and more often correctly recognize the signs of mixed type violence. The qualitative analysis identified 12 criteria of violence that respondents rely on to identify signs of violence in the text. The results obtained can be used for further research on this problem, and, moreover, in the development of training programs for future lawyers and psychologists.

Keywords: violence, signs of violence, lawyers, psychologists, recognition of the presence of violence in the text

Введение

Взаимодействуя с участниками ситуации насилия – агрессорами и потерпевшими – юристы и психологи в своей профессиональной деятельности сталкиваются с проблемой насилия в теоретическом и практическом аспектах, что связано с трудностями его распознавания и дифференциации. В узком смысле в юридической деятельности это касается всех этапов расследования, в психологической – проведения судебной психологической экспертизы с участниками ситуации насилия, адаптации пострадавших от насилия, а также психологического сопровождения агрессоров вне зависимости от их процессуального статуса. В широком смысле проблема охватывает все виды профессиональной деятельности юристов (нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная и экспертно-консультационная деятельность) и психологов (научно-исследовательская, психодиагностическая, консультативная и психотерапевтическая, экспертная, педагогическая, психолого-просветительская, организационно-управленческая, проектно-инновационная деятельность).

Распознавание и дифференциация насилия позволяют юристам и психологам квалифицированно выполнять профессиональные задачи в рамках своих профессиональных и профессионально-специализированных компетенций (Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, 2016, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 37.05.01 Клиническая психология, 2016). Определяющим в распознавании насилия являются представления о самом феномене. Исследованию представлений о насилии посвящено достаточно много зарубежных трудов (например, см. Davies, Smith, Rogers, 2009; Lee, 2011 и др.), однако, в русскоязычной научной среде мы встречаем лишь единичные исследования на данную тему, внимание авторов которых

направлено на изучение представлений в контексте массового сознания, а не на примере конкретной профессиональной группы. Отметим также, что исследований способности к распознаванию насилия конкретных профессиональных групп в научной литературе мы еще не встречали.

Возвращаясь к суждению о том, что определяющим в распознавании насилия являются представления о самом феномене, отметим, что, согласно теории социальных представлений С. Московичи, представления всегда рождаются в процессе коммуникации и находятся в большой зависимости от контекста референтной группы воспринимающего (Moscovici, 2000). Одна из значимых особенностей представлений – невозможность в полной мере отразить широту социального феномена. Представления – лишь упрощенная копия, содержащая эмоциональную установку наблюдателя по отношению к воспринимаемому. Структура социальных представлений состоит из трех элементов: информации, поля представления и установки. Для того, чтобы определить сущность социального явления, наблюдатель сверяется с имеющейся у него информацией, после чего происходит распознавание социального объекта (Андреева, 2000; Емельянова, 2006). Важно также отметить, что представления имеют опасность быть предрассудочными, но, несмотря на это, интериоризируются индивидом и становятся частью его картины мира, претендуя на объективность. Построенная таким образом система представлений во многом определяет, как человек воспринимает и объясняет поведение других людей. Система представлений может оказывать значительное влияние на поведение наблюдателя, а в некоторых ситуациях наличие иррациональных убеждений в системе представлений может затруднять процесс коммуникации с другими людьми (Андреева, 2000).

Все вышесказанное справедливо и для процесса распознавания насилия: наблюдатель имеет систему представлений о насилие, которая содержит информацию о феномене насилия; смысловую рамку, принятую в группе; и эмоциональное отношение к феномену насилия. В процессе

распознавания происходит актуализация имеющейся информации о насилии, которая затем сопоставляется с наблюдаемой ситуацией.

Поэтому при проведении исследования для нас наибольший интерес представляла именно способность респондентов к распознаванию насилия. Мы основывались на предположении о том, что человек принимает решение о наличии признаков насилия, исходя из имеющихся у него представлений о самом феномене. Развивая данную идею, мы предприняли попытку проанализировать способность к распознаванию насилия и выявить опорные критерии, на которые полагаются респонденты при принятии решения о наличии либо отсутствии насилия в конкретной ситуации.

Стоит уточнить также, что в своей работе мы опирались на определение Всемирной Организации Здравоохранения, согласно которому насилие – это преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб (Насилие и его влияние..., 2003). Также в ходе теоретического анализа проблемы нами были выделены наиболее часто встречающиеся в научной литературе критерии насилия, среди которых следующие:

- наличие определенных действий агрессора по отношению к пострадавшему (вербальные, физические или сексуальные проявления);
- пострадавший испытал из-за этих действий неприятные ощущения, психологический дискомфорт, был напуган и чувствовал беспомощность;
- пострадавший вынужден был быть участником ситуации, не мог выйти из нее по собственному желанию или находился в зависимости от другой стороны конфликта (Алексеева, 2016; Емельянова, 2008; Ильин, 2013; Малкина-Пых, 2009; Платонова, Платонов, 2004; Смагина, 2009 и др.).

Организация и методы исследования

В качестве выборки исследования были сформированы две группы студентов-старшекурсников юридических факультетов и факультетов психологии, проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка проведенного нами исследования сформирована с учетом обозначенных выше проблемных зон.

Студенты обучались на последних курсах четырех университетов: СПбГУ, ЛГУ им. А.С. Пушкина, РГПУ им. А.И. Герцена и РАНХиГС. В целевую группу вошли 102 студента в возрасте от 19 до 28 лет ($M \pm SD = 22,6 \pm 1,7$), из них 53 респондента факультетов психологии (52%) и 49 респондентов юридических факультетов (48%). Всего в исследовании приняли участие 85 женщин (83,3%) и 17 мужчин (16,7%). Исследование проводилось в период с декабря 2019 года по март 2020 года. Перед прохождением исследования участники были ознакомлены с его целью, процедурой проведения, а также инструкцией, в которой содержалось предупреждение о том, что представленные в исследовании материалы могут содержать описание сцен насилия.

Исходным было предположение о том, что способности к распознаванию признаков насилия в тексте будут отличаться у студентов факультетов психологии и студентов юридических факультетов, а именно: студенты-психологи будут чаще правильно идентифицировать признаки наличия насилия в тексте по сравнению со студентами-юристами.

Основными методами исследования выступили социально-демографическая анкета и метод кейсов (case study).

Социально-демографическая анкета состояла из 16 вопросов и была направлена на изучение социально-демографических характеристик респондентов (пол, возраст, семейное положение, учебное заведение и т.д.), а также на изучение опыта переживания насилия респондентами и их представлений о феномене насилия.

Исходя из целей исследования, а также выделенных на основе изучения научной литературы критериев насилия, был осуществлен анализ массива данных, включающих классическую художественную литературу, статьи из СМИ, материалы личных дел осужденных. После изучения и анализа упомянутых источников были сформированы 10 кейсов и разработаны открытые и закрытые вопросы к ним. Всего к кейсам были представлены 4 вопроса, но, в зависимости от ответов респондентов, они отвечали на 2 или 3 вопроса (рисунок 1).

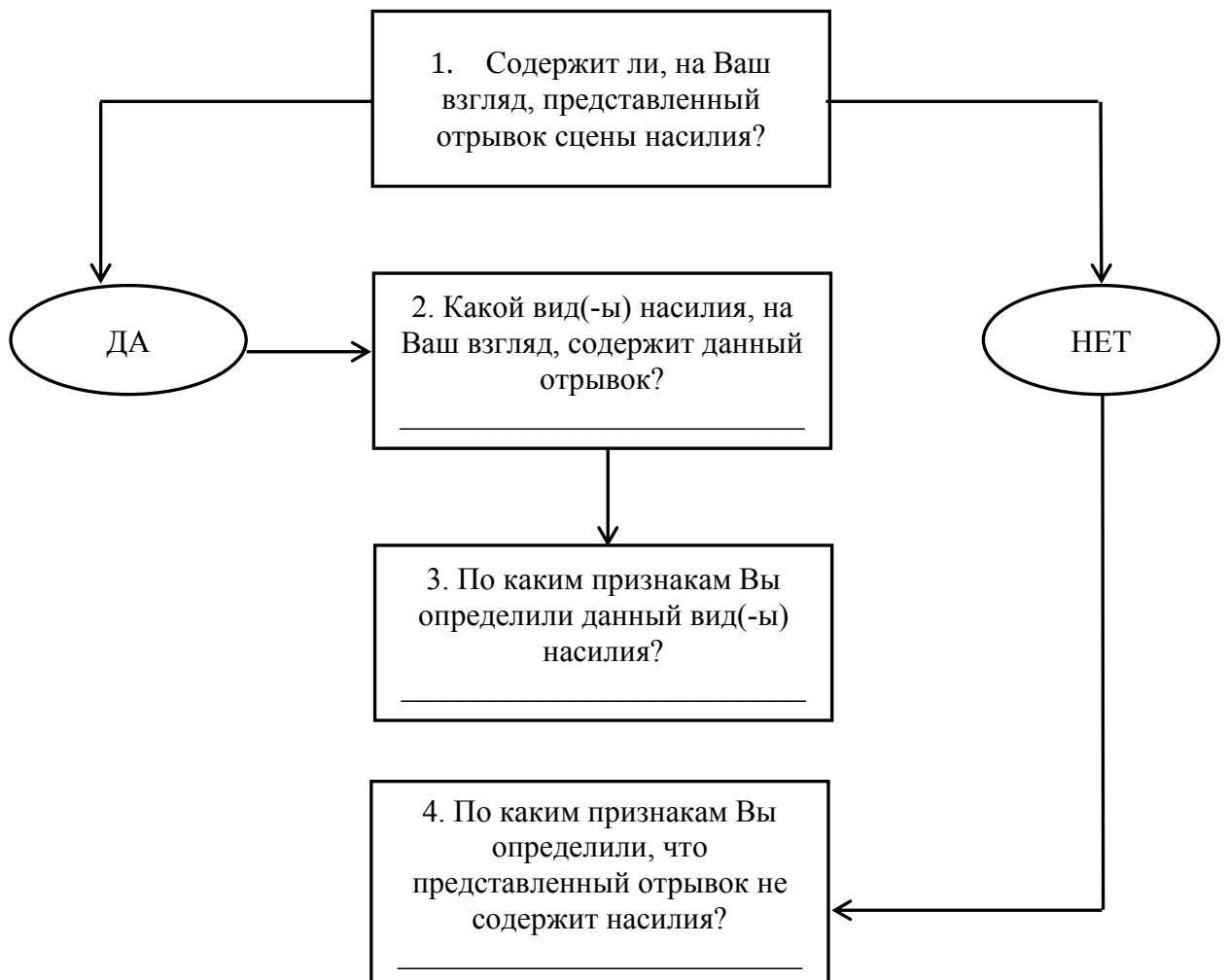

Рисунок 1 – Схема вопросов к сформированным кейсам

Далее, для проверки кейсов на пригодность, было проведено пилотажное исследование, результаты которого позволили сформировать

финальный вариант, состоящий из 8 кейсов, содержащих отрывки из произведений русских классиков и материалы из личных дел осужденных. В список отрывков из произведений русских классиков вошли такие произведения, как «Гранатовый браслет» А.И. Куприна, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Любовница смерти» Б. Акунина, «Чучело» В.К. Железникова, «Дубровский» А.С. Пушкина и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя.

В таблице 1 представлены сформированные кейсы с описанием вида(-ов) и ситуаций насилия, описанных в них.

Таблица 1 – Информация о сформированных кейсах

Номер кейса	Вид (виды) насилия, встречающийся в тексте кейса	Ситуация, описанная в кейсе	Источник текста кейса
1.	Психологическое насилие	Преследование	«Гранатовый браслет» А.И. Куприн
2.	Психологическое, физическое и сексуальное насилие	Похищение, удержание, домогательства	«Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтов
3.	Психологическое и сексуальное насилие	Сексуальный контакт с пострадавшим в беспомощном состоянии	«Любовница смерти» Б. Акунин
4.	Психологическое, физическое и сексуальное насилие	Нападение, изнасилование	Выдержка из материалов личного дела
5.	Психологическое и физическое насилие	Буллинг	«Чучело» В.К. Железников
6.	Психологическое и физическое насилие	Удержание в клетке со зверем	«Дубровский» А.С. Пушкин
7.	Психологическое и физическое насилие	Семейное насилие (порка)	«Тарас Бульба» Н.В. Гоголь
8.	Психологическое и сексуальное насилие	Сексуальный контакт с малолетним пострадавшим	Выдержка из материалов личного дела

В качестве основного метода анализа полученных данных был использован контент-анализ. В данном исследовании в качестве категорий использовались критерии, полученные в ходе анализа научной литературы на

тему насилия, дополненные ответами респондентов. Так, нами были получены 12 категорий насилия: наличие негативных переживаний у пострадавшего; преднамеренность совершённого деяния; принуждение со стороны агрессора, отсутствие согласия пострадавшего; конкретные действия, совершённые по отношению к пострадавшему; наличие негативных последствий для пострадавшего; получение выгоды (удовольствия) от совершённого деяния; индивидуальные особенности пострадавшего; нарушение личных границ; предусмотренность наказания согласно закону; отсутствие возможности у пострадавшего влиять на ситуацию (контролировать ее); отношение агрессора к пострадавшему как к объекту/вещи; наличие активного сопротивления со стороны пострадавшего.

Для подсчета количества упоминания того или иного признака в тексте фиксировалось наличие или отсутствие упоминания словосочетаний (слов) на данную тему. Примеры словосочетаний были прописаны в кодировочном листе (таблица 2).

Таблица 2 – Пример кодировочной матрицы (вопрос: «По каким признакам Вы определили данный вид(-ы) насилия?»)

Категория	Индикатор (слова, словосочетания, относящиеся к категории)
Наличие негативных переживаний у пострадавшего	«страх», «ужас», «отчаяние», «слезы», «ему было страшно», «испытывать ужас» и т.д.
Преднамеренность совершённого деяния	«намеренно», «специально», «намеренное причинение страданий», «умышленное нанесение вреда» и т.д.
Принуждение со стороны агрессора, отсутствие согласия пострадавшего	«без согласия второй стороны», «против воли», «без обоюдного согласия», «заставили, не спросив» и т.д.
Перечисление конкретных действий, совершённых по отношению к пострадавшему	«угрозы», «запугивание», «ощупывание», «изнасиловали», «избили», «высекли», «преследовали», «повалили» и т.д.
Упоминание о негативных последствиях для пострадавшего	«птср», «травма», «угроза смерти», «увечья», «могла умереть» и др.

Анализ полученных данных проводился с помощью программ Microsoft Excel (первичные описательные статистики: средние значения, стандартное отклонение, процентное соотношение, частота) и IBM SPSS Statistics, версия 22.0 (критерий U-Манна-Уитни для сравнения двух независимых выборок).

Описание и анализ результатов исследования

Выбранный метод позволил исследовать сразу три показателя: способность к распознаванию наличия признаков насилия в тексте; способность к распознаванию конкретного вида(-ов) насилия, представленного в тексте; а также категории или признаки выявленного насилия.

Стоит отметить, что метод кейсов не вызвал у респондентов затруднений. У студентов факультетов психологии систематические трудности в выделении признаков насилия или его вида, т.е. затруднения в трех и более ответах, возникли лишь в 2% случаев (N=1). Студенты-юристы испытывали систематические затруднения в выделении признаков насилия также в 2% случаев (N=1), а затруднения в выделении конкретного вида насилия – в 4% случаев (N=2).

Определяя *наличие признаков насилия в тексте*, большинство студентов-психологов и студентов-юристов успешно справились с задачей. Среди студентов факультетов психологии с выявлением наличия насилия в тексте, в среднем, справились 92% участников (N=49), а среди студентов юридического факультета – 80% (N=39). Между группами были получены значимые различия по данному показателю ($U=676$; $p=0,00$). Однако лишь 48% психологов (N=25) и 29% юристов (N=14), в среднем, смогли правильно идентифицировать вид насилия в тексте. Полученные данные представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Данные по кейсам о распознавании насилия респондентами

Номер кейса	Студенты-психологи		Студенты-юристы	
	Правильно обнаружили наличие признаков насилия, %	Правильно идентифицировали вид насилия, %	Правильно обнаружили наличие признаков насилия, %	Правильно идентифицировали вид насилия, %
1	68	62,2	41	36,7
2	98	16,9	82	4,0
3	75	22,6	51	6,1
4	100	16,9	100	6,1
5	100	79,2	98	55,1
6	100	65,3	96	44,8
7	92	60,3	80	44,8
8	100	62,2	94	30,6
Среднее	92	48	80	29

Таким образом, студенты-психологи лучше справились с задачей определения насилия и его видов, чем студенты-юристы. Полученные данные можно объяснить тем, что дифференциация конкретного вида насилия в тексте – это гораздо более сложная задача, чем выявление признаков насилия вообще. Идентификация конкретного вида насилия требует дополнительных знаний по теме насилия. Так, частая ошибка респондентов – выделение только лишь физического или сексуального насилия, хотя известно, что данные виды насилия не могут существовать в отрыве от психологического.

Рассмотрим распределение данных на примере отдельных кейсов, представленных в таблице выше. Так, более 80% студентов обеих групп успешно выявили наличие признаков насилия в кейсах под номерами 2, 4, 5, 6, 7 и 8 (описание кейсов представлено в таблице 1). Однако из таблицы 3 видно, что обе группы испытывали затруднения в выявлении наличия признаков насилия в первом и третьем кейсах. Это может быть связано с тем, что в данных кейсах полностью отсутствует физическое насилие, т.е. пострадавший не удерживается насильно, ему не наносится никаких физических повреждений. Также в упомянутых кейсах приводятся

«нетипичные» примеры ситуаций насилия: ситуация преследования и ситуация изнасилования женщины, находящейся в беспомощном состоянии (первый и третий кейсы).

Анализируя то, как респонденты определяют насилие и его вид(-ы), нам также было важно проанализировать, по каким критериям респонденты представленные кейсы оценили как «не содержащие насилие».

Напомним, что в первом кейсе был представлен отрывок из произведения «Гранатовый браслет» А.И. Куприна, содержащий ситуацию преследования. В данном кейсе, по мнению респондентов-психологов, у пострадавшего была возможность повлиять на ситуацию преследования; отсутствовали насильственные действия, а также принуждение или давление по отношению к пострадавшему. Респонденты, обучающиеся на юридических факультетах, также отметили наличие возможности у пострадавшего повлиять на ситуацию или выйти из нее; отсутствие насильственных действий и физических повреждений. Помимо этого, 10% студентов-юристов указали, что данная ситуация не является насильственной, т.к. пострадавший не испытывает выраженного психологического дискомфорта.

Таким образом, делая вывод об отсутствии насилия, студенты обеих групп в равной степени полагались на критерии отсутствия физических повреждений и насильственных действий, а также на наличие возможности у пострадавшего влиять на ситуацию насилия.

Выделенные критерии отсутствия насилия, однако, к данному кейсу не применимы. Это связано с тем, что критерий «возможность контролировать ситуацию насилия» сложно использовать в контексте stalking: зачастую единственные рычаги влияния у пострадавших в ситуации преследования – это смена места жительства или возбуждение уголовного дела, если, конечно, stalking является преступлением согласно законодательству данной страны. Критерий «отсутствия переживаний у пострадавшего» также сомнителен,

поскольку, согласно исследованиям, пострадавшие от преследования переживают сильную тревогу, начинают страдать различными психологическими расстройствами, вплоть до бессонницы, панических атак и депрессии (Блейхер, Крук, Боков, 2002; Малкина-Пых, 2009). Критерий отсутствия насильственных действий также не может быть использован, т.к. в примере задания ситуация насилия включает такие насильственные действия, как проявление навязчивого нежелательного внимания, появление преследователя в непосредственной близости от пострадавшего, слежка за ним, отправление писем «вульгарного» характера. Теоретический анализ литературы показывает, что наличие физических повреждений не является обязательным критерием насилия.

Рассмотрим ситуацию насилия, представленную в таблице 4, кейс № 3. Кейс представлен отрывком из произведения Б. Акунина «Любовница смерти», в котором описана ситуация сексуального насилия над пострадавшей, находящейся в беспомощном состоянии.

Таблица 4 – Категории отсутствия насилия (по мнению респондентов)

Категория	Студенты-психологи, %	Студенты-юристы, %
Принуждение пострадавшего	11	22
Отсутствие активных защитных действий	6	18
Наличие обоюдного интереса	11	12

Наиболее часто встречались ответы о том, что в тексте нет принуждения пострадавшего; пострадавший не пытается себя защитить; между пострадавшим и агрессором присутствует обоюдный интерес, влюбленность. Однако по результатам анализа литературы на тему насилия было выявлено, что «привычная» категория принуждения не применима к ситуации беспомощного состояния жертвы сексуального насилия. Отсутствие активных защитных действий также является следствием беспомощного состояния пострадавшего. А наличие обоюдного интереса между

пострадавшим и агрессором не исключает возможного насилия в отношениях. Так, об этом достаточно много пишут в контексте домашнего (семейного) насилия Л.С. Алексеева (2016) и Е.В. Емельянова (2008).

Рассмотрим следующий изучаемый нами показатель – *способность правильно идентифицировать вид насилия в тексте*. Мы полагались на наиболее распространенную классификацию видов насилия, основанную на характере насильственных действий: психологическое (эмоциональное), физическое, сексуальное и экономическое насилие (Алексеева, 2016).

Представим анализ по данному показателю через кейсы и отдельно через каждый вид насилия. Как видно из таблицы 3, успешнее респонденты справились с заданием в пятом кейсе – данный кейс описывает классический пример буллинга в школьном коллективе. В тексте содержатся прямые индикаторы психологического («как-то вся угасла», «предел ее сил») и физического насилия («набросились», «повалили», «я лягалась и дрыгалась изо всех сил» и т.д.), таким образом, от респондентов требовалась только актуализировать свои знания о данных видах насилия и сопоставить их с написанным.

Наиболее трудной задачей по выявлению видов насилия для респондентов стали кейсы под номерами 2, 3 и 4. Трудности идентификации вида насилия во втором кейсе могут быть связаны с тем, что текст кейса содержит упоминание сразу всех трех видов насилия: психологического (манипуляции, уговоры, слежка с помощью приставленной слуги), физического (похищение и удержание) и сексуального (уговоры поцеловать, нежелательные прикосновения). Однако, как видно из примеров, сексуальное насилие выражается не в крайней его форме (изнасилование), а в виде домогательств, уговоров и нежелательных прикосновений. Соответственно большинство студентов-психологов (34%, N=18) и студентов юристов (24%, N=12), правильно распознавших наличие насилия, увидели лишь признаки психологического и физического насилия, но пропустили сексуальное.

Третий кейс, как уже было сказано ранее, содержит психологическое и сексуальное насилие, однако, большинство студентов факультетов психологии (32%, N=17) и юридических факультетов (27%, N=13) увидели лишь признаки сексуального насилия. В четвертом кейсе была представлена ситуация нападения на пострадавшего и совершения с ним насильственного сексуального контакта. Признаки сексуального и физического насилия выявила большая часть респондентов, из них 66% студентов-психологов (N=35) и 41% студентов-юристов (N=20). Вместе с тем, в кейсе имеется и психологическое насилие, не описанное напрямую. Таким образом, в данном задании от студентов требовалось умение не только сопоставить представления с конкретным примером, но и использовать навыки рефлексии – посмотреть на ситуацию с точки зрения пострадавшего.

Продолжая анализ способности респондентов к распознаванию конкретного вида(-ов) насилия, представленных в тексте, отметим, что психологическое насилие было представлено во всех восьми кейсах. В среднем, 67% (N=36) студентов-психологов и 42% (N=21) студентов-юристов правильно распознали данный вид насилия. Сложнее всего идентифицировать данный вид насилия было в четвертом кейсе. Таким образом, студенты-психологи лучше распознают психологическое насилие в конкретных ситуациях, по сравнению со студентами-юристами. Выше уже были описаны возможные причины трудностей выявления психологического насилия в данном кейсе, не будем повторно на этом останавливаться, и перейдем к результатам распознавания физического насилия.

Физическое насилие представлено в пяти кейсах, его выявление оказалось достаточно простой задачей для респондентов (таблица 5).

Таблица 5 – Распознавание физического насилия респондентами

Ситуация, описанная в кейсе	Студенты-психологи, %	Студенты-юристы, %
Похищение, удержание	58	55
Нападение, изнасилование	91	67
Буллинг в школьном коллективе	83	63
Удержание в клетке со зверем	89	71
Семейное насилие	75	71
Среднее	79	66

Как видно из таблицы 5, в среднем 79% (N=42) студентов-психологов и 66% (N=26) студентов юристов правильно определили вид насилия. Респонденты понимают физическое насилие достаточно широко (похищение, удержание, травля, порка и т.д.), однако, в группе психологов чаще распознают физическое насилие в ситуации нападения и изнасилования, а в группе юристов – в ситуации удержания в клетке с диким зверем и в ситуации семейного насилия.

Полученные данные, на наш взгляд, позволяют судить о более высоком уровне распознавания признаков физического насилия в тексте у студентов-психологов по сравнению со студентами-юристами.

Сексуальное насилие представлено в четырех кейсах из восьми. Данные о его распознавании представлены в таблице 6. Данный вид насилия, в среднем, правильно обнаружило 69% (N=37) студентов факультетов психологии и 50% (N=25) студентов юридических факультетов.

Таблица 6 – Распознавание сексуального насилия респондентами

Ситуация, описанная в кейсе	Студенты-психологи, %	Студенты-юристы, %
Нежелательные прикосновения и поцелуи	40	18
Сексуальный контакт с пострадавшим в беспомощном состоянии	62	37
Сексуальный контакт с малолетним пострадавшим	85	67
Насильственный сексуальный контакт	89	78
Среднее значение	69	50

Важно отметить, что большая часть респондентов трактовала как сексуальное насилие ситуацию насильственного сексуального контакта (кейс 5), т.е. изнасилования, в то время как ситуация нежелательных прикосновений и поцелуев (кейс 2) понималась как сексуальное насилие лишь 40% (N=21) студентов-психологов и 18% (N=9) студентов-юристов.

Согласно полученным данным, будущие психологи успешнее определяют признаки сексуального насилия в тексте по сравнению с будущими юристами. Мы предполагаем, что это может быть связано с тем, что с юридической точки зрения термин сексуального насилия применяется только по отношению к конкретному набору ситуаций, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации (Уголовный..., 1996 (ред. 2020), ст. 131 – 135). Соответственно, студенты юридического факультета чаще идентифицируют сексуальное насилие, когда речь идет о конкретных действиях, прямо закрепленных в законодательстве. В психологии данный термин в самом широком смысле можно охарактеризовать как использование человека другим лицом для получения сексуального удовлетворения. В этой связи, просмотр порнографии в присутствии других людей без их согласия (вне зависимости от возраста лиц), нежелательные прикосновения, фроттеризм и другие действия будут чаще расцениваться психологами как сексуальное насилие.

Таким образом, анализируя способность будущих юристов и психологов правильно идентифицировать вид насилия в тексте, мы можем сделать вывод о том, что обе группы респондентов наиболее успешны в распознавании физического насилия, которое не представляет для них особых сложностей. В распознавании психологического и сексуального насилия успешнее проявляют себя студенты-психологи. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают данные о выявленных сложностях респондентов в распознавании смешанных видов насилия. Как правило, в таких ситуациях респонденты обнаруживают наиболее яркие проявления

насилия и игнорируют те признаки, которые проявляются неявно. Однако студенты-психологи, по сравнению со студентами-юристами, более успешны в выявлении признаков смешанного вида насилия в тексте, а именно комбинации видов психологического и сексуального насилия ($U=733$; $p=0,00$); и комбинации всех трех видов насилия – психологического, физического и сексуального ($U=1034$; $p=0,02$). Подтверждением этому служат значимые различия между группами, полученные по результатам сравнительного анализа способности к распознаванию вида(-ов) насилия в тексте.

Рассмотрим третий показатель – *категории (признаки) насилия*. Респондентам предлагалось представить критерии, на которые они опирались, определяя наличие или отсутствие насилия в тексте.

Всего было выделено 12 категорий насилия, о которых мы уже упоминали выше при описании организации и методов исследования. Ниже мы представим результаты анализа полученных данных по выделенным категориям в порядке убывания.

1) Категория (признак) «Насильственные действия». По мнению респондентов, ситуацию можно считать насильственной, если агрессор совершает конкретные насильственные действия по отношению к пострадавшему, такие как: ругань, запугивание, удары, толчки, нежелательные прикосновения, удерживание в помещении и т.д. Согласно ответам респондентов, данный признак являлся наиболее показательным критерием насилия: в среднем, 81% студентов-психологов ($N=43$) и 65% студентов-юристов ($N=32$) опирались на него при выявлении насилия. Анализ данных позволил сделать вывод, что студенты факультета психологии достоверно чаще студентов юридического факультета упоминали данную категорию в своих ответах ($U=702$; $p=0,00$).

2) Категория (признак) «Принуждение пострадавшего, оказание давления на него». Респонденты делали вывод о наличии насилия, если в

тексте было описано принуждение пострадавшего, давление на него, безысходность положения пострадавшего в связи с властью или, например, физической силой агрессора. Данная категория была упомянута участниками во всех 8 кейсах. В среднем, 45% студентов-психологов ($N=24$) и 31% студентов-юристов ($N=15$) использовали эту категорию. Из полученных данных можно сделать вывод, что будущие психологи достоверно чаще упоминали эту категорию в своих ответах по сравнению с будущими юристами ($U=760$; $p=0,00$).

3) Категория (признак) «Наличие у пострадавшего дискомфорта, негативных переживаний во время взаимодействия с участниками ситуации». Респонденты делали вывод о том, что происходящее в тексте – насилие, если предполагали, что пострадавший в момент взаимодействия страдает, чувствует отчаяние и беспомощность, напуган, предан и т.д. Категория в среднем использовалась 23% студентов-психологов ($N=12$) и 16% студентов-юристов ($N=8$). Из полученных данных следует, что студенты-психологи чаще прибегали к использованию категории эмоционального состояния по сравнению со студентами-юристами, но достоверных различий между группами по данному признаку выявлено не было. Наиболее часто и будущие психологи, и будущие юристы использовали категорию, если автор предложенного текста намеренно акцентировал внимание читателя на состоянии героев.

4) Категория (признак) «Получение выгоды либо удовольствия от совершённого насилия». В данном случае участники рассматривали насилие в контексте мотивации агрессора: тот не находится в вынужденном положении, не является заложником ситуации, а совершает насилие по своему собственному желанию, ради достижения какой-либо цели, будь то выгода, удовольствие или просто стремление продемонстрировать свои силы и возможности. Признак был использован в среднем 6% респондентов ($N=3$) обеих групп, однако, студенты-юристы все же чаще прибегают к данному

критерию при распознавании насилия. Достоверных различий по группам выявлено не было. Чаще всего категория встречается в шестом кейсе: она послужила критерием насилия для 17% студентов-психологов (N=9) и 27% студентов-юристов (N=13). Автор текста в данном задании описывает «забавы» русского барина и намеренно акцентирует внимание читателя на том, что барин совершает насилие лишь по собственной прихоти. Следовательно, мы предполагаем, что участники полагались на данный факт в выявлении насилия.

5) Категория (признак) «Индивидуальные особенности пострадавшего». Описанная ситуация является насилием даже при отсутствии принуждения и сопротивления со стороны пострадавшего, т.к. в силу своих личностных или возрастных особенностей пострадавший не мог правильно оценить ситуацию и/или не имел возможности дать отпор. В эту категорию вошли ответы респондентов, в которых акцентировалось внимание на несовершеннолетнем возрасте пострадавшего, на наличии разного рода зависимости от агрессора (эмоциональная, материальная и др.), на конфессии пострадавшего, особенностях развития эмоционально-волевого компонента личности пострадавшего, наличии родственных связей между агрессором и пострадавшим. В среднем, 9% студентов-психологов (N=5) и 8% студентов-юристов (N=4) воспользовались данным признаком, однако, критерий чаще фигурирует в ответах будущих психологов по сравнению с ответами будущих юристов. Кроме того, в большинстве случаев индивидуальные особенности потерпевшего были упомянуты в контексте сексуального насилия в кейсах 2, 3 и 8.

6) Категория (признак) «Негативные последствия для жизни пострадавшего». Совершённое насилие имеет серьезные последствия для жизни пострадавшего, начиная с появления различных психических расстройств (фобии, депрессия, ПТСР), комплексов и заканчивая летальным исходом. На этот критерий при определении насилия в среднем полагались

по 8% студентов-психологов (N=4) и 8% студентов-юристов (N=4). Достоверных различий по данному признаку выявлено не было. Чаще всего категория упоминается в ответах к шестому кейсу – это можно объяснить тем, что описанный в тексте герой попадает в ситуацию, опасную для жизни, таким образом, критерий становится особенно актуальным.

7) Категория (признак) «Отношение к пострадавшему как к объекту». Под этой категорией понимается следующее: агрессор не учитывает потребности и желания пострадавшего, относится к нему как к неодушевленному предмету, делает заявления о том, что пострадавший является его собственностью и т.д. В среднем, признак был упомянут лишь 8% респондентов факультета психологии (N=4) и 6% респондентов юридического факультета (N=3). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что признак гораздо чаще встречается в ответах студентов-психологов по сравнению с ответами студентов-юристов (достоверных различий не выявлено).

8) Категория (признак) «Активное сопротивление пострадавшего». Респонденты могли определять происходящее как ситуацию насилия, если пострадавший активно себя защищал и всячески сопротивлялся действиям агрессора. Критерий использовали в среднем 6% студентов-психологов (N=3) и 4% студентов-юристов (N=2). Чаще всего признак был упомянут психологами в контексте ситуации нападения и изнасилования в четвертом кейсе.

9) Категория (признак) «Преднамеренность совершённых насильственных действий». Участники писали о том, что насилие – это всегда специальные, т.е. преднамеренные действия агрессора по отношению к пострадавшему. Так, нанесенный по неосторожности удар нельзя рассматривать как ситуацию физического насилия. Категория использовалась редко, в среднем 4% студентов-психологов (N=2) и 4% студентов-юристов (N=2).

10) Категория (признак) «Невозможность влиять на ситуацию, контролировать ее». Данный признак был выделен в связи с тем, что респонденты писали о беспомощности и «незащищенности» пострадавшего в ситуации насилия. Данный признак встречался редко, в среднем лишь у 4% респондентов-психологов ($N=2$). Из сравнительного анализа следует, что категория достоверно чаще встречалась в ответах студентов факультета психологии по сравнению с ответами студентов юридического факультета ($U=1006$; $p=0,003$).

11) Категория (признак) «Предусмотренность наказания согласно закону». Эта категория встречалась лишь в нескольких ответах студентов-юристов и в одном ответе студента факультета психологии. Респонденты, выявляя насилие, отталкивались от действующего законодательства: если наказание за совершённые действия предусмотрены, то в данном тексте насилие присутствует. Таким образом, согласно критерию, под определение насилия могут попадать только противоправные деяния, содержащиеся в административном или уголовном кодексе. Чаще всего на данную категорию полагались студенты юридического факультета, однако, достоверных различий между группами выявлено не было.

12) Категория (признак) «Нарушение личных границ». Признак был выявлен только студентами факультета психологии и встречался лишь у 2% респондентов ($N=1$). Наиболее часто признак был упомянут в связи с психологическим насилием в первом кейсе. Категория достоверно чаще фигурирует в ответах студентов факультета психологии по сравнению с ответами студентов юридического факультета ($U=1102$; $p=0,005$).

Проведенный анализ позволил выявить, на какие из вышеперечисленных категорий опираются респонденты, выделяя тот или иной вид насилия. Обе группы наиболее часто определяют психологическое насилие, исходя из трех критериев: эмоциональное состояние пострадавшего, наличие принуждения со стороны агрессора, а также апеллируют к

конкретным действиям, которые были совершены по отношению к потерпевшему (например, вербальная агрессия). Физическое насилие респонденты определяют также, исходя из эмоционального состояния пострадавшего, наличия принуждения со стороны агрессора и действий насильственного характера по отношению к пострадавшему (например, толчки, удары, удержание). По показателю «сексуальное насилие», респонденты отмечают такие критерии, как принуждение со стороны агрессора и наличие конкретных насильственных действий по отношению к пострадавшему. Однако будущие психологи, характеризуя сексуальное насилие, обращают также внимание на эмоциональное состояние пострадавшего и его индивидуальные особенности.

Выводы и заключение

Целью данной работы было изучение способности к распознаванию насилия в тексте, а также выявление конкретных признаков насилия, на которые полагаются респонденты в принятии решения о наличии или отсутствии насилия. Анализ результатов позволяет взглянуть на особенности представлений о насилии у двух профессиональных групп – будущих психологов и юристов – и выявить их внутреннее содержание.

Анализ показателя успешности выявления насилия в тексте позволил получить значимые различия между изучаемыми группами. В частности, студенты-психологи чаще правильно выявляли наличие насилия в тексте, по сравнению со студентами-юристами. Однако и студенты-психологи, и студенты-юристы испытывали сложности в выявлении насилия в случае ситуации преследования и ситуации изнасилования женщины, находящейся в беспомощном состоянии. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в данных ситуациях размывается критерий принуждения пострадавшего. Во-вторых, данные примеры не укладываются в представление о «типичной» ситуации насилия, которое в научной литературе получило название

«сценарий насилия» (rape scenario) (Davies, Smith, Rogers, 2009).

Проведенный анализ успешности распознавания каждого вида насилия по отдельности позволил получить достоверные различия между группами, которые были получены по показателю распознавания смешанного вида насилия: студенты-психологи чаще правильно определяли наличие в тексте комбинации признаков психологического и сексуального насилия, а также комбинации признаков всех видов насилия вместе. Это можно объяснить тем, что студенты факультета психологии по большей части осведомлены о том, что не бывает «чистого» сексуального или физического насилия, т.к. любой упомянутый вид сопровождается переживанием унижения, беспомощности, ужаса и других острых эмоциональных переживаний со стороны пострадавшего.

Кроме того, проведенное исследование позволило изучить содержание системы представлений о насилии будущих юристов и психологов и проявление этого содержания в практической ситуации. Качественный анализ текста позволил выявить 12 категорий насилия, на которые полагались респонденты обеих групп при распознавании насилия. В целом, будущие психологи чаще, по сравнению с будущими юристами, использовали такие категории, как эмоциональное состояние пострадавшего, принуждение пострадавшего, насильственные действия по отношению к пострадавшему, индивидуальные особенности пострадавшего, нарушение личных границ пострадавшего, отсутствие возможности влиять на ситуацию у пострадавшего, «объектное» отношение агрессора к пострадавшему. Будущие юристы чаще будущих психологов полагались на категории наличия негативных последствий для пострадавшего, предусмотренности наказания по закону, а также на получение выгоды от совершённого насилия. В равной степени в ответах респондентов обеих групп встречались два признака: преднамеренность действий агрессора и активное сопротивление пострадавшего.

Можно заметить, что студенты факультетов психологии чаще демонстрируют вариативность критериев наличия насилия по сравнению со студентами юридических факультетов, а именно чаще прибегают к использованию разных критериев для разных ситуаций. В то время как студенты-юристы апеллируют, в основном, к одному и тому же набору критериев, который, по-видимому, носит для респондентов данной группы универсальный характер.

Полученные данные могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблеме. Как мы уже отмечали, в отечественной научной литературе встречаются лишь единичные исследования, однако, внимание авторов в них направлено на изучение представлений в контексте массового сознания, а не на примере конкретной профессиональной группы. Таким образом, перед нами и другими исследователями открывается широкое поле для научной деятельности в рамках представленной проблемы. Кроме того, полученные нами данные могут быть использованы при разработке программ обучения будущих юристов и психологов, в частности, программ, направленных на расширение представлений о видах насилия и их последствиях для участников ситуаций насилия (агрессоров и пострадавших). Отдельное место, на наш взгляд, должны занимать программы обучения будущих юристов, направленные на повышение осведомленности о психологическом насилии и его последствиях.

Список использованных источников

- Алексеева Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М., 2016.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
- Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: Руководство для врачей и клинических психологов. Москва, Московский психолого-социальный институт, 2002. 511 с.

- Емельянова Е.В. Женщины в беде. Программа работы с жертвами домашнего насилия «Достоинство любви. М., Речь, 2008. С. 4-5.
- Ильин Е.П. Насилие как психологический феномен // Вестник Герценовского Университета, 2013. № 1. С. 167-174.
- Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. М., Эксмо, 2009.
- Насилие в семье: особенности психологической реабилитации / Под ред. Н.М. Платоновой, Ю.П. Платонова. СПб., 2004.
- Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. / Пер. с англ. М., Изд-во «Весь Мир», 2003. 376 с.
- Смагина М.В. Защита детей от семейного насилия в современном российском обществе: Монография. Ставрополь, Изд-во СГПИ, 2009. 124 с.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 37.05.01 Клиническая психология (уровень специалитета) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12.09.2016 года № 1181).
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 01.12.2016 года № 1511).
- Davies M., Smith R., Rogers P. (2009). Police Perceptions of Rape as Function of Victim Gender and Sexuality // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. No. 82(1). Pp. 4-12. doi:10.1350/pojo.2009.82.1.466
- Lee J., Lee C., Lee W. (2011). Attitudes Toward Women, Rape Myths, and Rape Perceptions Among Male Police Officers in South Korea // Psychology of Women Quarterly. No. 36(3). Pp. 365-376.
- Moscovici S. (2000) The Phenomenon of Social Representations // Social Representations: Explorations in Social Psychology / Ed. by G. Duveen. N.Y., New York University Press. Pp. 18-77.

References

- Alekseeva L.S. Zhestokoe obrashchenie s det'mi: ego posledstviia i predotvrashchenie [Shild Maltreatment: Consequences and Prevention]. Moscow, 2016. (In Russian)
- Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniia [Psychology of Social Cognition]. Moscow, 2000. (In Russian)
- Bleikher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. Klinicheskaya patopsikhologiya: Rukovodstvo dlia vrachei i klinicheskikh psikhologov [Abnormal Psychology: Guide for Physicians and Clinical Psychologists]. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2002. 511 p. (In Russian)
- Emel'ianova E.V. Zhenshchiny v bede. Programma raboty s zhertvami domashnego nasiliia «Dostoinstvo liubvi» [Women in Trouble. Work Program with Survivors of Domestic Violence]. Moscow, Rech' Publ., 2008. Pp. 4-5. (In Russian)
- Il'in E.P. Nasilie kak psikhologicheskii fenomen [Violence as Psychological Phenomenon] // Vestnik Gertsenovskogo Universiteta, 2013. No. 1. Pp. 167-174. (In Russian)

- Malkina-Pykh I.G. Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiiakh [Psychological Support in Crisis]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. (In Russian)
- Nasilie v sem'e: osobennosti psikhologicheskoi reabilitatsii [Domestic Violence: Features of Psychological Rehabilitation] / Pod red. N.M. Platonovoi, Iu.P. Platonova. St. Petersburg, 2004. (In Russian)
- Nasilie i ego vliianie na zdorov'e. Doklad o situatsii v mire [World report on violence and health] / Pod red. E.G. Kruga i dr. / Moscow, "Ves' Mir" Publ., 2003. 376 p. (In Russian)
- Smagina M.V. Zashchita detei ot semeinogo nasiliia v sovremennom rossiiskom obshchestve: Monografiia [Protecting Children from Domestic Violence in Modern Russian Society]. Stavropol', SGPI Publ., 2009. 124 p. (In Russian)
- Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 31.07.2020) [The Criminal Code of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (In Russian)
- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po spetsial'nosti 37.05.01 Klinicheskaya psikhologiya (uroven' spetsialiteta) [Federal State Educational Standard of Higher Education in the Specialty 37.05.01 Clinical Psychology] (utv. prikazom Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 12.09.2016 goda No. 1181). (In Russian)
- Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 40.03.01 Iurisprudentsiia (uroven' bakalavriata) [Federal State Educational Standard of Higher Education in the Specialty 40.03.01 Jurisprudence] (utv. prikazom Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 01.12.2016 goda No. 1511). (In Russian)
- Davies M., Smith R., Rogers P. (2009). Police Perceptions of Rape as Function of Victim Gender and Sexuality // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. No. 82(1). Pp. 4-12. doi:10.1350/pojo.2009.82.1.466
- Lee J., Lee C., Lee W. (2011). Attitudes Toward Women, Rape Myths, and Rape Perceptions Among Male Police Officers in South Korea // Psychology of Women Quarterly. No. 36(3). Pp. 365-376.
- Moscovici S. (2000) The Phenomenon of Social Representations // Social Representations: Explorations in Social Psychology / Ed. by G. Duveen. N.Y., New York University Press. Pp. 18-77.